

«ОБРАЗОВАНИЕ — ЭТО ПРОДВИЖЕНИЕ СТАНДАРТОВ СТРАНЫ»

уходящий год ознаменовался ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКОЙ СЛОЖИВШИХСЯ ЗА ПОСЛЕДнюю ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ, СОПРОВОЖДАВШЕЙСЯ РАЗРУШЕНИЕМ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРАХ. О ТОМ, КАК ЭТО ОТРАЗИЛОСЬ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОДНОГО ИЗ ПЕРЕДОВЫХ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ, О «КУЛЬТУРЕ ОТМЕНЫ» В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБ ОТКРЫВШИХСЯ ВОЗМОЖНОСТЯХ КОРРЕСПОНДЕНТ BUSINESS GUIDE ВЯЧЕСЛАВ КАЛАШНИКОВ БЕСЕДОВАЛ С ДИРЕКТОРОМ ПЕТЕРБУРГСКОГО КАМПУСА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ АННОЙ ТЫШЕЦКОЙ.

BUSINESS GUIDE: Вы возглавили «НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург» немногим более года назад, и весь этот период сопровождался буквально тектоническими сдвигами в политике и экономике. Почувствовали ли это в петербургской Вышке?

АННА ТЫШЕЦКАЯ: По большому счету, фундаментально в питерской Вышке ничего не изменилось. Наши ученые продолжают печататься в топовых международных журналах, выступают на международных конференциях, студенты продолжают выезжать по программам академической мобильности, проходят совместные защиты диссертаций.

Но в моей личной управленческой практике это самый интересный год. Меня назначили директором в конце октября, а через неделю нам пришлось снова выводить всех в дистанционный режим работы из-за карантина. А потом — февральские события. У питерской Вышки традиционно глубокие связи с европейскими университетами, и вся стратегия вуза подразумевала максимальную интеграцию в образовательную систему Евросоюза. Так что наступило время для нестандартных и нестандартных решений.

BG: Например?

А. Т.: Нам технически пришлось перестроить очень многие вещи. Начиная с возможности приема оплаты за обучение от иностранных студентов. И заканчивая форматами обучения текущих программ, по которым у нас уже были обязательства перед студентами в части международной академической мобильности, привлечения иностранных специалистов. У нас сейчас более сотни человек, которые уехали и обучаются, в том числе, в европейских странах и в странах Азии: Японии, Кореи, Китае. Представьте, партнерский университет в одночасье разрывает отношения. А у нас, например, с этим университетом двухдипломная программа, совместные обязательства перед студентами. Или к вам приходит преподаватель и сообщает, что он не может работать в правительственном университете.

Оказалось, что это более нетривиальная задача: сохранить качество образования под санкциями на должном уровне, чем в условиях пандемии. Мы довольно быстро научились находить адекватные решения. Сложнее — с людьми. Самое важное, на мой взгляд, в таких обстоятельствах дать людям понимание, что у них есть будущее здесь.

BG: Почувствовала ли на себе петербургская Вышка последствия так называемой «культуры отмены»?

А. Т.: Исследователю, как правило, важно, чтобы он мог опубликовать свои статьи в хорошем журнале, свободно взаимодействовать со своими коллегами, а если нужно — поехать в соседний университет, чтобы там в лаборатории провести необходимое исследование. И если мы эти возможности начнем закрывать для исследователей, то есть риск, что они начнут искать другие места, где для них созданы нужные условия. Поэтому мы уделяем максимум внимания тому, чтобы талантливые люди хотели работать и продолжали работать у нас.

На институциональном уровне мы сталкиваемся с ограничениями. Например, в нескольких случаях нашим ученым запретили выступать на крупных международ-

ных конференциях как исследователям, представляющим российский университет, Высшую школу экономики — Санкт-Петербург.

Или вот еще один пример: одна из наших образовательных программ, только получив очень статусную профессиональную аккредитацию EFMD (The European Foundation for Management Development, международная некоммерческая организация, управляющая, в частности, системой аккредитации школ менеджмента и делового администрирования EQUIS.— **BG**), фактически ее лишилась. То есть публично мы можем говорить о том, что прошли аккредитацию, но по факту наше членство в этой организации заморожено.

При этом мы сейчас видим, что крупнейшие международные конференции, которые традиционно проходили в Европе либо в Америке, начинают переезжать на другие площадки, в основном в страны Азии. И в целом многие зарубежные университеты сохраняют возможность игнорировать политизированные ограничения, которые накладывают на Россию, и сохраняют нейтральность в отношениях с российскими исследователями.

BG: Вы недавно вернулись из Индии, где договорились о сотрудничестве с Университетом Свами Вивекананда Субхарты и об открытии в следующем году представительства ВШЭ. Это какой-то новый вектор развития международных связей вуза, связанный с текущими трансформациями в экономике и политике?

А. Т.: Мне кажется, что самой концепции восточного вектора уже более десяти лет. Просто, может быть, в Петербурге меньше это ощущалось из-за более глубоких связей с Европой. Я долго работала в Сибири, потом

на Дальнем Востоке, где, наоборот, существуют давние традиции кооперации со странами Азии. И лично у меня нет никаких сомнений в том, что настоящее лидерство уже там, на Востоке.

И с момента моего прихода в Вышку мы начали обсуждать возможности сотрудничества с огромным миром вне «золотого миллиарда». А в феврале мы поняли, что пора действовать. Сейчас очевидно, что нужно создавать новые смыслы, искать новые идеи, пробовать нестандартные решения.

Почему Индия? Это один из самых интересных рынков с точки зрения образования, потому что это сегодня самая растущая экономика мира и страна-лидер по росту населения. Российские университеты в Индии прочно заняли нишу медицинского образования. Мы планируем выходить на высококонкурентные рынки образования в области IT, экономики, международных отношений. То есть сферы, где мы входим в конкуренцию за таланты с европейскими, американскими и австралийскими университетами.

Наша поездка в Индию показала, что шанс у нас есть. В Индии население активно вкладывается в образование детей, много молодых людей, которые нацелены на учебу как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому неудивительно, что Европа, Америка и Австралия сейчас за этот рынок борются.

И в этом смысле, если мы сейчас как правительственный университет не выйдем на этот рынок, потеряем еще один очень важный инструмент влияния на будущее. Образование — это продвижение стандартов страны. Стандартов в медицине, в IT, в инженерии. Это

та самая «мягкая сила». Любое государство заинтересовано в распространении своего влияния на международном арене. И образование является одним из наиболее эффективных инструментов решения этой задачи. Так что мы говорим о задаче не просто отдельного университета, а всей российской системы образования — активно выходить на международный рынок.

BG: Индия — это пробный камень, пилотный проект?

А. Т.: Нет, у нас сейчас 11 страновых рынков, на которые мы смотрим. Например, Таиланд, Малайзия и Индонезия — тоже очень важные направления, на которых мы работаем. Нельзя забывать про рынки Казахстана и Узбекистана. Узбекистан, как мне кажется, в ближайшее время вообще будет иметь очень большое значение как один из образовательных хабов, поскольку он удобно расположен между Азией и европейскими странами. И в целом там происходят интересные системные изменения в национальной системе образования. Это очень похоже на то, что было у нас лет десять назад, когда начиналась программа международной конкурентоспособности университетов. Поэтому питерский кампус активно взаимодействует практически со всеми ключевыми университетами Узбекистана. У нас пока гораздо больше общего, чем можно было бы предположить: язык, общие традиции в образовании и город. Многие проректоры, ректоры, деканы учились в Санкт-Петербурге.

BG: В чем, с вашей точки зрения, заключаются преимущества вашего вуза для потенциальных партнеров?

А. Т.: Я вижу следующее. Когда мы — питерская Вышка — выходим в другие страны, нас воспринимают как русский европейский университет. Да, мы находимся в России, у нас есть свои традиции образования. Но наша существующая вышкинская система образования понятна любому иностранному студенту.

BG: Заинтересованность наших вузов в выходе на эти рынки объяснима, но есть ли встречный интерес?

А. Т.: Конечно. В этом плане университетам в Таиланде, в Малайзии или в Индонезии неважно, откуда мы приехали, им важно наше место в международном рейтинге и то, что мы можем говорить с ними на одном языке. А сегодня, так уж получилось, язык науки и образования — английский.

Например, недавно проходил чемпионат мира по программированию, в котором участвовало 3,5 тыс. университетов со всего мира. В рейтинге команд первый — MIT (Массачусетский технологический институт, университет и исследовательский центр.— **BG**). Московская Вышка — девятая с бронзовой медалью, питерская Вышка на шестнадцатом месте. Когда мы приезжаем в ключевой университет, например в Индонезии, наши будущие партнеры смотрят на то, что у нас айтишники шестнадцатые в мире. А не на то, откуда мы приехали.

Университетская кооперация всегда неформальна. У нас есть тот, кто делает что-то интересное в науке или образовании, и у них есть тот, кто делает в этой области тоже что-то интересное. И только если эти два человека сядут в одной лаборатории и договорятся о совместном проекте, получается международное сотрудничество. И поэтому цепочки, которые складываются между научными школами, — уникальны. ■